

13. [Федоръ Бурмакинъ и Вавилонское царство].

1. Жилъ былъ царь и царица безъ короны. Выбиралъ онъ думшихъ сенаторовъ, посылалъ по всеѣмъ странамъ: не будетъ ли какой охотникъ въ Вавилонское царство за царской короной?—Думшіе сенаторы искали по всеѣмъ странамъ, нигдѣ не нашли охотника. Одинъ пошелъ по питейными заведеніями. Лежалъ тогда Федоръ Бурмакинъ въ кабацѣ пьяной. *То* сенаторъ сказалъ: „Федоръ Бурмакинъ, не желаешь ли ты въ Вавилонское царство за царской короной?“ — Федоръ Бурмакинъ на то сказалъ: „опохмѣль меня, я готовъ буду, желаю ѣхать!“

Опохмѣлилъ его, приводитъ къ царю Федора Бурмакина. — „Федоръ Бурмакинъ, — сказалъ царь: — што тебѣ нужно съ собой?“ — Федоръ Бурмакинъ назначилъ: „мнѣ што де лучший корабль, три бочки пороху, три бочки сѣры горючей, три бочки селитры!“ — *То* онъ взялъ съ собой товарища—сенатора—и рабочихъ лоцмановъ и отправился въ Вавилонское царство.

2. *То* приѣзжаетъ въ Вавилонское царство, приваливающа на пристань. Федоръ Бурмакинъ взялъ съ собой сенатора, отправился въ домъ. Царство ето отворяетца на время: когда змѣй полозъ роздвинетца, тогда отворяются и ворѣты. (Змѣйлѣнское царство). *То* заходятъ въ комнаты онѣ. Марѣя Вавилоновна сказала: „какі-тѣ вѣтры сюды занесли Федора Бурмакина!“ — „Царь послалъ меня къ тебѣ. Каково ты поживаешь?“ — „Милости просимъ! садись со мной за столъ покушать!“

3. Понаѣлись. Марѣя Вавилоновна говоритъ: „давай въ пѣшки, Федоръ Бурмакинъ, поиграемъ! А играть не такъ: если три разъ я тебя поиграю, я тебя пожру, а если ты меня три разъ поиграешь, и ты меня жри!“—Первой разъ поставили пѣшки, она его обыграла. Второй разъ поставили, опять обыграла. Остаецца одинъ разъ. Поставили въ третій; онъ со своева краю двѣ пѣшки подъ столъ спехнулъ и говоритъ, што пѣшельница у тебя неправильная, затѣмъ ты меня и обыгривашь! Есь у меня въ кораблѣ пѣшельница мраморная и пѣшки также нумерованные. Дозволь мнѣ

сходить, тогда я уже буду какъ *слѣдно* играть, а на твоей я не согластенъ играть!.. Если, Марѳа Вавилоновна, не вѣришь, возьми сенатора къ себѣ въ комнаты! Я все таки пойду, пѣшельницу принесу свою!“

То онъ сенатора къ ей въ комнату приводитъ, а самъ пошолъ; по путѣ царскую корону взялъ съ собой. Только добѣгаетъ до пристани Федоръ Бурмакинъ, скричѣлъ рабочимъ: „какъ можно поскорѣе отъ берегу отваливай!“ (сенатора ужъ оставлятъ тутъ).

4. Очень долго Марѳа Вавилоновна ждала; потомъ вышла на балхонъ, смотреть на море: онѣ очень уже далѣко ѣдутъ. — „Ахъ онъ подлецъ, ахъ онъ варнакъ, какъ надо мной насмѣялся!“ — Заходитъ въ ту комнату, гдѣ сенаторъ, ево сечасъ съѣла. То засвистѣла, загремѣла, самая мелкая змѣя, по *ухватилишу*, прилетѣла. — „Подите, — говоритъ: — спалите ево подлеца, не пустите ево на бѣлой свѣтъ!“ — Полетѣли онѣ. Стали надлетать надъ корабль, онъ живо выкатилъ три бочки селитры; зажигаетъ селитру, всѣхъ прижогъ-припалилъ; кое-какъ двѣ остались, отправились назадъ.

Прилетаютъ, докладываютъ: „Марѳа Вавилоновна, всѣхъ онъ насъ прижогъ-припалилъ, кое какъ мы отдалились!“

5. Тогда она опять засвистѣла, загремѣла, болѣе тово змѣй насвистѣла: „подите спалите; ево на бѣлой свѣтъ не пустите!“ — То стали надъ корабль надлетать, онъ выкатилъ три бочки пороха, всѣхъ ихъ прижогъ-припалилъ; кое-какъ двѣ отдалились, полетѣли назадъ. Прилетѣли съ докладомъ: „Марѳа Вавилоновна, всѣхъ насъ прижогъ припалилъ, кое-какъ мы отдалились“.

6. То захотѣлось Федору Бурмакину отдохнуть. Привалился къ берегу, начали себѣ обѣдъ, кашу варить. Попала Федору Бурмакину тропя; идетъ онъ по этой тропѣ, ягоды собираетъ, и ушолъ отъ пристани далѣко. А ево рабочи тогда расположились на отдыхъ спать. Эти змѣи прилетѣли и всѣхъ ихъ прижгли припалили, этѣхъ рабочихъ, и весь корабль по бревну раскатали, по морю пустили. Федоръ Бурмакинъ приходитъ на пристань и видитъ: корабля нѣтъ, корабль весь прижженой; гдѣ ево опѣбло, што никово нѣтъ. — „Куды теперь моя голóвушка прилѣтъ? [?] ... Пойду теперь по этой тропѣ, куды она поведетъ меня!“ (А корона у ево хранища).

7. Доходитъ онъ до *агромѣтнаго* дому; заходитъ въ этотъ домъ. А въ *этѣмъ* дому живётъ Кривая Ерахта, Марѣы Вавилоновны братъ. Кривая Ерахта сказалъ: „куда жо ты, Ѳедоръ Бурмакинъ, пошолъ,—зашолъ въ нашъ домъ?“—„Я нечаянно пришолъ въ твой домъ. Примѣ меня съ тобой жить въ товаришши“. — То Кривая Ерахта ево прѣнялъ, стали жить съ имъ вмѣстѣ. Кривая Ерахта ему сказалъ: „не вылѣчишь ли ты, Ѳедоръ Бурмакинъ, мнѣ глазъ? у меня одинъ глазъ не видитъ“. — Ѳедоръ Бурмакинъ сказалъ: „есъ у тебя олово?“—„Есъ“.—„Есъ канаты?“—„Есъ“. — „Ташшѣ мнѣ *напѣрья* и черпакъ! потомъ ташшѣ канаты!“ — Притапшылъ онъ канаты. Положилъ ево на полъ, примѣрялъ, наvertѣлъ напѣрьеи дыръ. Привязалъ онъ ево на *варовинны* канаты.—„Ну-ко, Кривая Ерахта, поворотись, — говоритъ: — штобы канаты повѣтянулись!“ — Кривая Ерахта поворотился, канаты эти лопнули.

„Нѣтъ ли у тебя *си(е)лянныя* канатовъ?“—„Есъ“—„Ну, ташшѣ мнѣ селянны канаты!“ (Тѣ поздорѣвшѣ будутъ). — Притапшылъ ему *се(и)лянныя* канаты; то привязалъ онъ на селянны канаты. — „Ну-ко теперь поворотись, Кривая Ерахта! канаты пушшай повѣтянуцца“. — Кривая Ерахта поворотился, весь домъ ворочацца, только канаты повѣтянулись, не лопнули.

Тогда сказалъ Ѳедоръ Бурмакинъ: „ты, Кривая Ерахта, кривоѣ [глазъ] *расшѣрь* (глядѣ кривымъ), а здоровой зажими!“—То онъ почерпнулъ черпакомъ олово, плеснулъ на всё лицо ему оловомъ го(а)рячимъ.

8. Тогда Ѳедоръ Бурмакинъ выбѣжалъ изъ комнатъ во *дворецъ*, а Кривая Ерахта какъ вострепеснулся, канаты ево лопнули. То выбѣжалъ Кривая Ерахта во *дворецъ* и спросилъ: „Ѳедоръ Бурмакинъ, ты гдѣ?“ — „Во дворѣ,“ — сказалъ. Ходилъ по двору Кривая Ерахта, ево искалъ, и хочетъ ево съѣсъ. Тогда у Кривова Ерахты былъ слуга козѣлъ; и онъ къ козлу сталъ, Ѳедоръ Бурмакинъ, привязывацца. Привязался Ѳедоръ Бурмакинъ къ козлу, тогда козѣлъ подбѣгаетъ къ Кривоѣ Ерахтѣ. Козѣлъ какъ только заревѣлъ, въ досаду Кривоѣ Ерахтѣ (што козѣлъ ему ешо прибѣжалъ досажать), тогда взялъ етова козла и выбросилъ за свой *дворецъ* (а дворъ у ево былъ тѣномъ устроенъ).

То онъ во второй разъ спросилъ: „Ѳедоръ Бурмакинъ,

ты гдѣ?“ — Федоръ Бурмакинъ сказалъ: „я за дворомъ!“ — „Какъ ты туды попалъ?“ — „Ты выбросилъ, — говоритъ: — меня съ козломъ“ — „Хитрой, — говоритъ: — ты!“ — Тогда онъ живо отъ козла отъязывался. — „Прощай, — говоритъ: — Кривая Ерахта, я уйду!“

„На, вотъ, я тебѣ подарочекъ дамъ, *складень!*“ — Федоръ Бурмакинъ бралъ правой рукой складень; тогда Кривая Ерахта сказалъ, што „складень, держи ево!“ — Складень ево держитъ: если потянуть (рвануть), то должонъ онъ мнѣ руку обрѣзать (складень зажалъ руку крѣпко). Кривая Ерахта отворялъ ворѣты (поймать штобы Федора Бурмакина). Федоръ Бурмакинъ видитъ, што опъ къ ему подходитъ, не пожалѣлъ свою руку, руку обрѣзалъ и ушѣлъ отъ ево. Накопецъ сказалъ: „ну, Кривая Ерахта, ты теперь *вовсе* слѣпой, а я хоть безъ рукъ, да вижу, куды итти!“

9. Отъ етова двора тоже попала ему тропѣ; пошолъ онъ по етой тропѣ; доходитъ по етой тропѣ: стоитъ домъ, Марѣы Вавилоновны тутъ живѣтъ сестра. То заходитъ въ домъ, увидалъ онъ: Марѣы Вавилоновны сестра. — „Здравствуешь, госпожа жѣньшина! (назвать васъ не знаю какъ)“. Сказала эта жѣньшина: „куда жо ты отправляешиша, Федоръ Бурмакинъ? зашолъ въ дѣкое мѣсто сюды!“ — „Я *заблудяиш*ой человѣкъ; не примешь ли ты меня съ собой жить на мѣсто мужа?“ — То она согласилась съ имъ жить, также на мѣсто мужа держать, и онѣ въ годъ прѣжили мальчика. То Марѣы Вавилоновны сестра говоритъ: „теперь, Федоръ Бурмакинъ, живи какъ *требно* быть, по домашнему: што мнѣ, — говоритъ: — то и тебѣ дитѣ!“

10. То она улѣтала на побѣишшо, ево жена, а онъ сходилъ къ морю и сдѣлалъ себѣ плотъ. Она летѣла съ побѣишшу и плотъ етотъ увидала. Прилетаетъ и говоритъ: „што же ты, Федоръ Бурмакинъ, къ чему же ты етотъ плотикъ исправилъ?“ — Сказалъ Федоръ Бурмакинъ: „што же ты какая неразумная! вотъ у насъ ребѣночекъ есь, обс...цца, нужно пелѣнки помыть! — на плотикѣ лучше помыть пелѣночки“. — „А я думала, што ты хочешь отъ меня отдаляцца на *ѣтѣмъ* плѣтикѣ!“ — „Нѣтъ, я не буду отдаляцца, буду жить!“ — Тогда онъ плотъ оставилъ тутъ, а весло исправилъ, спряталъ (штобы ей не видать было). На будущей

день она отправилась на побѣишше, наказала: „*мотри*, отъ робѣнка никуды не ходи!“ — Только её проводилъ, отправился скоро къ морю, саялъ на плѣтикъ и поѣхалъ.

11. *То* робѣнокъ заревѣлъ, и лѣсъ затрепшѣлъ. Услыхала Маренъ Вавилоновны сестра, што робѣнокъ реветъ, очень скоро торопѣлась домой. *То* прибѣжала, ребенка схватила, прибѣжала на море, на ногу [ребенка] стала, а за другу разорвала наполоамъ. Она бросила эту половину, добросила до ево, у ево плѣтикъ началъ тонуть. Кое-какъ онъ *спехнулъ* ету половину, потомъ отправился вперѣдъ, а она свою половину съѣла.

12. *То* онъ ѣхалъ — близко ли далѣко ли, низко ли высоко ли, — присталъ, привалился опять къ берегу; потомъ онъ пошолъ по *Уралу*, печаянно приходитъ на такое побѣишшо: выбито побѣишшо въ *печатную* сажень. Тогда Ѳедоръ Бурмакинъ сказалъ: „дождусь, кто сюды прибудетъ?“ — Залѣзъ онъ на дубъ и сдѣлалъ себѣ лучекъ и началъ дѣлать стрѣлки. *То* приходитъ *наперво* къ ему Левъ звѣрь. Левъ звѣрь взглянулъ на дубъ, увидалъ Ѳедора Бурмакина, сказалъ: „Ѳедоръ Бурмакинъ, помогѣ мнѣ окаяннова йдолишша побѣдѣть, а я тебя въ твое царство (въ русское государство) доставлю!“

То приходитъ шестиглавою окаянною идолишшо, взглянулъ на древо, увидалъ (на этѣмъ дубу) Ѳедора Бурмакина; сказалъ окаянной идолишшо: „если ты, Ѳедоръ Бурмакинъ, помѣжешь Лева звѣря похѣтитъ, я тебѣ половину золотой горы отдамъ!“ — Сказалъ Ѳедоръ Бурмакинъ: „по дерѣтесъ вы сначала однѣ, я тогда на васъ погляжу, которому помокчи!“ — *То* Ѳедоръ Бурмакинъ подумалъ: „если мнѣ идолишшу помокчи, куда мнѣ половину золотой горы? Лучше я помогу леву звѣрю: лучше пусть онъ меня доставитъ во свое царство!“ — Скричѣли онѣ ему: „пособляй которому-небудъ, а то мы драцца долго не будемъ!“

То Ѳедоръ Бурмакинъ натянулъ свой лучокъ, пустилъ въ идолишша, отшибъ ему голову. И во второй разъ пустилъ, другую отшибъ; въ третей разъ пустилъ, и третью отшибъ. Сталъ левъ звѣрь ужъ одолѣвать ево; а Ѳедоръ Бурмакинъ натянулъ четвертой разъ, четверту отшибъ. Остаетца двѣ. Остатки левъ звѣрь самъ закончилъ. *То* онъ убилъ, левъ звѣрь, *воооо* идолишша, самъ вылѣзъ изъ

шахты.—„Слѣзай, Федоръ Бурмакинъ, не опасайся! я тебя не пошевелю!“

13. Федоръ Бурмакинъ слѣзъ съ дубу, поздоровался съ левомъ-звѣремъ, сѣлъ на нево и поѣхали. Добѣгаютъ до бѣлова камню. Сказалъ левъ звѣрь, што „я не могу тебя теперь въ твоё царство везти; на трѣи сутки дай мнѣ отдохнуть здѣсь“. — Федоръ Бурмакинъ сказалъ: „чѣмъ жо я буду трѣи сутки здѣсь пропитывацца?“—„Вотъ ты етотъ камень лизни три разá, будешь тогда сытъ, пьянъ и веселъ!“ — То онъ лизнулъ бѣлой камень три разá, и сдѣлался сытъ, пьянъ и веселъ Федоръ Бурмакинъ.—„Можно проживацца мнѣ!“ говоритъ.—Трѣи сутки прохóдитъ, *можно* левъ звѣрь сталъ, сказалъ: „сидись на меня и доржись за меня крѣпше!“

14. То онъ привозитъ ево въ русское государство, а наконецъ сказалъ: „ты *мотри*, Федоръ Бурмакинъ, мною не хвастайся, што я на левъ-звѣрѣ ѣздили! если ты мною похващашша, тогда я тебя не пожалѣю, съѣмъ!“ — Приходитъ Федоръ Бурмакинъ къ царю во дворецъ, а царь завёлъ пиръ на весь міръ. То, въ пьянствѣ, хвастались енерáлы войсками, а купечество хвастались деньгами. Царь наказалъ: „если хто въ пьянствѣ помянетъ про Федора Бурмакина, тово живòво въ могилу копать. (Онъ досадили мнѣ шипко“).

Тогда Федоръ Бурмакинъ самъ сказалъ: „охъ вы купечество, толстопúзики *толстоголѣхіе*, вы хващайтесь деньгами!—говорить:—А вы бы,—говорить:—тѣмъ похващались, хто на Левѣ звѣрѣ ѣздили!“ — Левъ звѣрь всё равно какъ тутъ и былъ; сказалъ, што „Федоръ Бурмакинъ, былъ дóговоръ, што мною не хващайца!“ — Федоръ Бурмакинъ сказалъ: „не я хващаюсь, а хмѣль!“ — „Гдѣ онъ?“ — „Иди, я вотъ подведú!“ — Подвёлъ ево гъ бочкѣ, къ винú: „вотъ давай *лачи* тутъ, левъ-звѣрь, етотъ хмѣль!“—Напíлся левъ звѣрь пѣной и свалился. Федоръ Бурмакинъ тогда *скуртjóжилъ*, связáлъ ево крѣпко.

Проснулся левъ звѣрь, сказалъ: „хто меня связалъ?“ — „Вотъ хмѣль связáлъ тебя! Онъ можетъ тебя и развязáтъ“. — Напíлся онъ во второй разъ, левъ звѣрь; онъ ево развязáлъ. Потомъ проснулся левъ звѣрь развязанъ: „Ну, и вѣрно, Федоръ Бурмакинъ! чѣмъ ты знаешь, тѣмъ и хва-

стайся теперь! ступай,—говорить:—я повѣрилъ, што хмѣль можетъ все сдѣлать“.

15. То приходитъ онъ къ царю; сказалъ: „охъ вы, господа еперáлы, хвастаетесь вы войсками, а вы бы тѣмъ похвãстались, хто въ Вавилонское царство ходилъ за царской короной! и вотъ я пре(и)доставилъ царскую корону!“ — говорить. То онъ развязываетъ свой су(о)квойжъ и вынимать царскую корону, подаётъ царю корону. То извинился царю, што я оплошãлъ: карáпъ мой нарушилъ и пародъ весь сожгълъ, только я одинъ могъ сохранѣнца“.—Поблагодарилъ ево царь, наградилъ ево деньгами.—„Куды знаешь, туды и тупай теперь, Бурмакинъ!“

14. „Васеньна Вáрегинъ“.

1. Былъ именитой купецъ Вáрегинъ. Въ Питерѣ жилъ, царю помогáлъ армію кормить. У купца Вáрегина былъ сынъ одинъ. Время ему вышло женицца. Онъ отцу сказалъ: „сватай, тятинька, а самъ не окãнчивай дѣло: я самъ поѣду досвãтывать“.—Потомъ купецъ прѣзжаетъ къ купцу: што „я прѣхалъ за добрымъ словомъ, за свãтаньемъ“. — „Съ великой охотой отдаёмъ дочь за твоео сына! тебя и ждёмъ!“—„Не хочú я окончить дѣло самъ, высватать теперь, а прѣду на второй разъ съ сыномъ, потóмъ окончимъ дѣло!“

Потомъ прѣзжаютъ съ сыномъ. Сынъ приходитъ въ купеческіе палаты и говорить: „покажи мнѣ свою дочь! я посмотрю, какà у тебя дочь“.—Дочь собралась въ свãтное платье, выходитъ, поздорóвалась съ Вáсинькой съ Вáрегинымъ. То онъ сказалъ купцу: „господинъ купецъ, дозволю мнѣ въ рãзные кóмнаты съ ей рѣчи поговорить, съ не-вѣстой!“—„Я тебя,—говорить:—возьму, такъ блудъ сотвори со мной (што мнѣ терпѣнья нѣтъ)“.—Она согласилась.

Объѣхалъ онъ десятокъ купцовъ (и всѣхъ) и всё такимъ манеромъ: *обледеневóнитъ*, выйдетъ изъ комнаты и говорить: „мнѣ такую б..дь не надо!“ — Отецъ на ето осердился. — „Неужели купеческіе дѣти всё б...и,—говорить:—дѣвки? Я больше сватать, — говорить: — не поѣду никуды! мнѣ канфúзъ! Сватай самъ, гдѣ знаешь!“